

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

301

ЭПИЛОГ

517

Посвящается памяти
моего отца
Ханса Э. Эрикссона

Старость не для неженок.

Бетт Дэвис

ЧЕТВЕРО ПОГИБШИХ В ДОМЕ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Газета “Бостон глоуб”

ХАЛЛ, МАССАЧУСЕТС. Один из обитателей дома престарелых “Кулик” нанес смертельные ножевые ранения четверым пациентам этого же учреждения. Сигнал тревоги был получен в местной полиции в 6:30 утра в четверг. Первый труп обнаружен дежурной сестрой, она немедленно вызвала полицию.

Как сообщает полиция Халла, окровавленная одежда и орудие убийства — кухонный нож с длинным лезвием — найдены в комнате одного из пациентов. При задержании тот спокойно спал.

Согласно предварительному заключению, велика вероятность, что именно тот, у кого найден нож, и совершил преступление, — так, во всяком случае, заявил Сал Валехо, пресс-секретарь полиции в Халле.

В данный момент место преступления оцеплено для технического осмотра.

Дом престарелых “Кулик” — небольшое частное заведение на десять мест. На момент преступления в доме проживали восемь человек. Охрана не предусмотрена.

— Мы все потрясены, — сказала заведующая Нэнси Итон. — Немыслимая трагедия, весь город в шоке.

Две сестры, дежурившие ночью, вертолетом “скорой помощи” доставлены в госпиталь с тяжелой психической травмой.

Подозреваемый — 86-летний мужчина из Массачусетса. Никакого криминального прошлого. Помещен в тюрьму Плимут Каунти без права залога.

Личные данные предполагаемого преступника и жертв пока не публикуются. Мотив массового убийства на этот момент неясен.

КОМУ: Селия Йенсен <celia.jensen@neuro.mgh.harvard.edu>;
Эндрю Нгуен <andrew.nguen@neuro.mgh.harvard.edu>;
Мохаммед Зедак <mohammed.zedak@neuro.mgh.harvard.edu>

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ

Помещение	1003
Ряд	A
Клетка №	116512
Животные, получившие повреждения / пол	3 из 4, самцы
Общее состояние	Раны от укусов, кровопотеря

ПРИОРИТЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Принятые меры	Изоляция
Дата	3 октября
Время	09:30

Два подопытных животных умерли. Одна раненая мышь помещена в отдельную клетку. Рекомендация дежурного ветеринара: усыпить.

ВНИМАНИЕ!

Не помещать других животных в клетку с пометкой
“СКЛОННОСТЬ К АГРЕССИИ”.

Ветеринарная группа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Как вас зовут?
— Роберт.
— Фамилия?
— Маклеллан.
— Какой сейчас месяц?
— Январь.
— День?
— О... — Маклеллан почесал затылок. — Э-э-э...
точно не скажу.

— Четвертое января. Четвертое.

Роберт Маклеллан сидел на стуле в диагностическом отделении на третьем этаже госпиталя Масс Джeneral в Бостоне рядом с Гейл. Белая блузка, парчовая юбка, легкий кашемировый кардиган. На шее две тонкие золотые цепочки. Она то и дело машинально трогала их рукой, будто проверяла, на месте ли подвески: маленькая “счастливая” монетка и сердечко с бриллиантками. Гейл не спускала глаз со своего мужа.

— Возраст? Сколько вам лет?

— Семьдесят... — засомневался было Маклеллан, но тут же уверенно сообщил: — Семьдесят шесть.

— Как зовут вашу жену?

— Э-э-э...

— Роберт!

— Ничего страшного, миссис Маклеллан. — Врач предостерегающе поднял руку и улыбнулся. — Пожалуйста, не вмешивайтесь. И не волнуйтесь так, очень вас прошу.

— Простите. Я только... — Она растерянно покачала головой. — Обычно он не такой, как сейчас...

— Разумеется, — согласился доктор. — Совершенно новая, необычная ситуация. Кто угодно растеряется. У нас будет время поговорить об этом чуть позже.

— Гейл! — с облегчением воскликнул Роберт. — Мою жену зовут Гейл!

Доктор одобрительно кивнул и как ни в чем не бывало продолжил:

— А сейчас надо всего-навсего заполнить анкету.

Гейл опустила глаза и почувствовала, как от смущения загорелись щеки. Покрутила золотой замок на лежащей на коленях маленькой сумочке. “Фенди”, оригинал. Совсем новенькая, между прочим. В прошлое воскресенье нашла на распродаже в галерее Копли и была счастлива всю неделю. Роберт теперь покупает такие странные рождественские подарки...

Доктор не сдавался. *Сколько центов в никеле? Вы покупаете что-то за тринадцать долларов и даете двадцатидолларовую купюру. Сколько вам должны вернуть?*

Гейл стиснула зубы.

— Что это за животные? — Доктор указал ручкой на три контурных рисунка.

— Лев. Лев и...

Роберт и в самом деле в последнее время был не в себе, но то, что происходит сейчас... Возможно, повлияла больничная обстановка. Или не выспался: все чаще, просыпаясь ночью, она обнаруживала, что Роберта рядом нет. Обычно она находила его в гараже. Никуда не собирался ехать — просто сидел за рулем. А вчера ночью она проснулась от грохота. Бросилась

в гостиную — оказалось, в темноте он наткнулся на журнальный столик и опрокинул красивую французскую лампу. Весь пол в фарфоровых осколках, склеить невозможно.

— Носорог.

Она посмотрела на мужа. Седые, да что там — совершенно белые волосы красиво зачесаны назад. Светло-голубая сорочка, подтяжки. Утром побрился, она видела. Кожа на шее стала дряблой, возрастная пигментация на лбу. И что? Все-таки далеко за семьдесят. Ну нет, надежда не потеряна. Есть новые лекарства — так, по крайней мере, сказал их домашний врач.

Доктор написал что-то в компьютере.

— Я прочитаю сейчас несколько слов, Роберт. Если можете, повторите за мной.

Она так устала от всех этих скитаний по врачам. Сама Гейл за всю жизнь провела в больнице всего лишь одну ночь. Детей у них нет и не было. А Роберт вообще никогда ничем не болел.

Раньше был полноват. Не критически, но все-таки лишний вес. А теперь похудел — разве плохо? И липидемии нет: насыщенные жиры если и превышают норму, то совсем чуть-чуть. Раньше считалось — нельзя есть много яиц, а он всю жизнь ел яйца по десятку в день. И ничего. Теперь говорят — все это глупости, насчет яиц. А некоторые даже советуют: яйца, яйца, яйца. Как можно больше яиц.

Ей и самой было с чем сражаться — щитовидка. То гипотиреоз, то гипертиреоз, то одно, то другое. Все слова выучила, но уже несколько лет капризная железа вообще не дает о себе знать, даже таблетки пить перестала. Короче, до поры до времени жизнь миловала их обоих.

Гейл посмотрела на часы. Всего десять минут прошло, а такое ощущение, что больше часа.

— Лицо, — бубнил Роберт. — Бархат. Церковь. Подсолнечник.

Она накрутила на руку кожаный ремешок сумочки. К элегантной черной “Фенди” прилагалась тонкая золотая цепочка для ношения через плечо, очень подходящая к ее цепочкам с необычными подвесками. Вообще говоря, эта сумочка ей не нужна. Сумок у нее хватало. Да и ходить с ней некуда — вот уже полгода они безвылазно сидели в доме на Честнат-Хилл и разговаривали только друг с другом. Но почему не доставить себе удовольствие, тем более за полцены?

Разговаривали друг с другом... Нет, не так. Разговаривала она, а Роберт сидел в своем кабинете с открытой на одной и той же странице газетой.

Мысли Гейл переключились на загородный дом, и она опять взглянула на часы. Надо позвонить дизайнеру по интерьерам насчет новой кухни. Эта дама из архитектурного бюро буквально завалила ее предложениями — поняла, что клиент за деньгами не постоит. Дорого, но плевать. Может, в этом году они смогут переехать туда пораньше. Роберту наверняка полезно подышать свежим морским воздухом. Вчера она рассматривала дизайнерские предложения целый вечер. Кухонный остров с мраморной рабочей поверхностью выглядел очень заманчиво, но зачем им такой большой? Пусть будет поменьше, а мрамор подороже — и глазу приятно, и больше воздуха. Все-таки дом летний, зимой они там не живут. Разделочный стол — ясеневый, очень дорогой, но Гугл безапелляционен: лучший материал — ясень. Лучше дуба или даже бука.

Сегодня же позвоню, решила Гейл. Дождусь, когда Роберт приляжет после ланча, и позвоню. Договорюсь с дизайнером. Картинки картинками, но надо съездить вместе с этой дамой на место и посмотреть

своими глазами, послушать ее доводы. Обязательно съездим, как только стихнут дожди.

Ей вдруг страшно захотелось на дачу. Зима была ужасной — морозы, каких давно не видели. Казалось, она никогда не кончится, эта зима. Рекордно низкая температура и снегопады чуть не каждый день. К тому же Роберт все глубже и глубже погружался в себя, замыкался в невидимом коконе равнодушия.

А этот чудесный дом на Кейп-Код! Как он греет душу...

Они купили его двадцать лет назад. Коллега Роберта по адвокатской конторе пригласил их в гости. Большая вилла на побережье. Плавательный бассейн, несколько флигелей — настоящее поместье. Прогулялись по пляжу, а по пути назад в глаза бросился двухэтажный белый дом с табличкой “Продается” — и телефонный номер маклера.

В тот же день маклер показал им дом. Дом, конечно, великоват для летней дачи и без вида на море. Но именно из-за этого чуть не вдвое дешевле. Это во-первых. А во-вторых, Гейл влюбилась в него с первого взгляда.

И с тех пор они проводили здесь каждое лето. Гейл приезжала уже в мае и дожидалась Роберта — он, как правило, появлялся четвертого июля, в День независимости. Запирал их дом в Бостоне и приезжал в Труру. Роберту никогда не хватало терпения существовать в отрыве от цивилизации больше чем три-четыре недели, особенно в те годы, когда у него все еще была фирма. А Гейл ничего не имела против такой изоляции. Ей было чем заняться. Благодаря ее стараниям участок в четверть гектара уже в первые несколько лет превратился в элегантный мини-парк. Само собой, следить за этим хозяйством было нелегко, она почти целыми днями возилась в саду. Жаловалась,

сердилась, но тяга к усовершенствованиям была неодолимой. Видимо, в роду ее были крестьяне и земледельцы — почти каждый, кто попадал в ее владения, произносил одну и ту же фразу: “Вы родились с зелеными пальчиками, Гейл”. Ее пионы у веранды вызывали всеобщее восхищение. А что говорить о полуметровом декоративном луке с сиреневыми шарами соцветий позади кизиловых кустов. Плетистые розы карабкаются по шпалерам с таким усердием, будто ищут встречи с Всевышним.

Но красота обманчива. Чтобы ее поддерживать, требуется немало усилий. Две недели без ухода — и белые корни лютика опутывают кусты шиповника, как удавчики; иногда ей кажется, что если хорошенько присмотреться, можно заметить их неуклонное движение. А сладко-горький паслен будто дожидается удобного случая, чтобы задушить сирень. Иногда опускались руки. Почему бы не остановиться? Природа сама знает, кому суждено распорядиться эволюцией в свою пользу, а кому нет. Почему бы не оставить все как есть? Но есть и другая точка зрения: да, все верно, природа самодостаточна, но беда в том, что ты уже вмешался в естественный цикл. А уж если вмешался, надо продолжать, экологический баланс нарушен, ты уже пошел против воли природы. И Гейл работала с утра до ночи. Не успеешь закончить прополку одного участка, тут же выясняется, что и соседний успел зарости сорняками. Посадить деревце можно, но будь готова посвятить осень рыхлению, подкормке и обрезке. *Вещи, которыми ты владеешь, в конечном счете владеют тобой*, со вздохом повторяла она. Гейл очень любила такого рода максимы, хотя вся ее жизнь свидетельствовала: это преувеличение. Вряд ли она находится во власти двух домов и трех дорогих авто. Скорее наоборот.

— Возьмите бумагу в руки, согните пополам и положите на колени.

Роберт взял бумагу обеими руками и посмотрел на Гейл, ища поддержки. Она ободрительно кивнула и тут же оглянулась на врача — может, и кивать нельзя?

Ее муж выглядел как ребенок, которому предложили сложить бумажный самолетик, а он не знает, как взяться за дело. Было что-то безнадежное в его взгляде.

Доктор повторил предложение. *Согните пополам и положите на колени.*

Роберт подумал немного, сложил лист пополам, выравнивал ногтями и положил на колени.

— Великолепно, блестяще. — Врач повернулся к дисплею компьютера и пощелкал по клавиатуре. Дождался, пока распечатка выползет из принтера, и протянул бумагу Роберту. — Итак, вы к нам обратились по рекомендации... — он опять глянул на дисплей, — доктора Гилберта, не так ли?

— Да-да, совершенно верно, — подтвердила Гейл. Гилберт был их домашним врачом.

— Полагаю, он рассказывал о нашей работе?

— Вы имеете в виду новый препарат?

— Да, речь о нем. Клинические испытания. Мы, само собой, на этой стадии пока не располагаем надежными результатами. *Пока...* — со значением повторил он, растопырил пальцы и покрутил в воздухе — наверное, нет другого жеста, так точно выражающего неопределенность. — Никаких официальных гарантий, если можно так сказать. Мы сейчас в третьей фазе. Но это неслыханно интересное и обнадеживающее исследование.

— Мы в нашем положении готовы пробовать любые средства. Мы... — Гейл услышала собственные

слова и растерялась — сообразила, что никогда и ни с кем про это не говорила. — Мы... скажите правду, доктор, — мы в конце пути?

Доктор наклонился вперед и сочувственно кивнул.

— Вы, должно быть, очень устали, — сказал он участливо. — Вам кто-нибудь помогает?

Она прикусила губу, словно от внезапной боли.

— У вас нет детей?

— Нет.

— Братья, сестры, с которыми вы можете поделиться? Близкие друзья?

Она молча покачала головой — побоялась, что дрогнет голос. Никого. Одна во всем мире. Она — и эта жуткая болезнь, отнимающая у нее последнее.

Доктор серьезно кивнул.

— Тогда сделаем так. — Он посмотрел на Гейл, потом на Роберта. — Я запишу вас в группу добровольцев. Через неделю-другую вас пригласят на магнитно-резонансное сканирование. Испытания начались еще осенью, но набор добровольцев продолжается. Разработчики по-прежнему приглашают пациентов для участия. И знаете что, Гейл? Вам тоже нужна помощь. Дневной стационар, помощь в хозяйстве. Группы поддержки. Вам надо с кем-то разговаривать, делиться. Что бы там ни говорили — это тяжелый диагноз. В одиночку справиться трудно.

Гейл заставила себя улыбнуться. Неужели он решил, что она собирается расплакаться? Ну нет. И никаких групп ей не нужно. Нужно только одно — поскорее начать лечение и перевернуть эту страницу.

Доктор встал. Дал понять: прием закончен.

— Вам позвонят из исследовательской группы и назначат время. Руководит лабораторией доктор

Эндрю Нгуен. Блистательный ученый. Клинический центр в Чарлестоун, Нэви-Ярд. Вы ведь живете поблизости?

Гейл тоже поднялась.

— Честнат-Хилл.

— Превосходно. Значит, так... Пройдите в приемную, к вам выйдет медсестра с направлением, выпиской и кое-какими материалами. Дождитесь ее, пожалуйста.

Гейл поблагодарила, одернула юбку, повесила на плечо сумку и протянула руку Роберту. Роберт довольно долго молчал, сохраняя странное выражение лица, потом неохотно встал.

Понимает ли он, что происходит? Стыдится? Или это гримаса отчаяния?

Боже, как же это случилось? Роберт был самым умным мужчиной из всех, кого она встречала. Не было ничего, чего бы он не умел. Перерыл все дела в адвокатском бюро, помнил наизусть все прецеденты, законы, уложения и поправки. Прочитал все книги, которые стоило прочитать. Провез ее по запутанным дорогам в Апеннинах, ни разу не заблудившись. Заказывал ужины из пяти блюд на безукоризненном французском в лучших ресторанах Парижа, при этом так непринужденно, что ни один официант даже не заподозрил, что перед ним не французский гурмэ. Блистательный интеллект. Гейл часто вспоминала игривую шифровку в кроссворде: самый эротичный орган мужчины, четыре буквы. Правильный ответ — мозг. И вот — жалкий, растерянный, непохожий на себя. Не может нарисовать стрелки на часах.

Он же наверняка и сам все понимает.

Понимает ли? Как спросить?

Прожили вместе всю жизнь, все переговорено, но как найти нужные слова, когда он явно не в себе?

Апатия, немотивированные припадки гнева, необъяснимые фразы и поступки.

Врач проводил их до двери. Сочувственно глядя в глаза, пожал руку.

— Держитесь!

Чуть ли не каждый ее знакомый, прощаясь, произносил это слово. *Держитесь...* Жизнь внезапно стала напоминать роман Стивена Кинга.

— Попробуем...

Они прошли по коридору в комнату ожидания. Гейл надела свою меховую шубку, сняла с вешалки куртку Роберта. Ждать не пришлось — не успели одеться, появилась медсестра и вручила пачку тонких брошюр. “Десять советов родственникам”, “Жизнь в новых условиях”, “Дневная программа миссии Орхарда: дом вне дома”... Гейл свернула их в трубочку и засунула в сумку.

— Едем домой.

Роберт вяло кивнул и послушно двинулся за ней.